

ОЧЕРКЪ І.

—

Н И Щ І Е.

НИЩІИ.

Извините, господа.... можетъ быть, мы производимъ на васъ не слишкомъ пріятное впечатлѣніе, начиная наши очерки съ такой мрачной и грустной стороны уличной жизни? Но вы, пожалуйста, смотрите на это равнодушіе: нищій, являющійся на московскихъ улицахъ, есть большею частію не тотъ нищій, который олицетворяетъ собою безусловную идею бѣдности, страданій и неудовлетвореннаго аппетита, нѣтъ, это чаще промышленникъ, который иногда чрезвычайно ловко зашибаетъ себѣ копѣйку, и который пожалуй не помѣняется своей участью съ вами. Конечно, есть тутъ много и правды, но вдвое противъ того обмана и шарлатанства, увь, какъ и вездѣ, гдѣ дѣло касается денежныхъ спекуляцій.... Вы не смотрите, что онъ съ закрытыми глазами сидитъ на распутии, что у него кисти рукъ приросли къ лопаткамъ, или что онъ цѣлый день, какъ ящерица, ползаетъ по мостовой, потому что у него ступни ногъ отрѣзаны: въ извѣстное время слѣпецъ этотъ прозрѣваетъ, исковерканныя руки расправляются; а этотъ акробатъ, который ползалъ-то, — этотъ, проглотивши залпомъ полштофа водки, послѣ дневныхъ трудовъ, откатываетъ такого трепака, что, кажется, ни на какомъ инструментѣ не подыграешь.

Въ настоящее время сословіе нищихъ въ Москвѣ составило какую-то правильную корпорацію, гдѣ есть своего рода аристократія, свой средній кружокъ и свои паріи, точно такъ же, какъ и въ составѣ нашего общества, съ тою только разницею, что у нихъ замѣтно больше братства и равенства. Какъ и въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ, у нихъ есть и подмелы, и честные люди, есть своего рода

шулеры, мѣнялы, ростовщики, камели, донъ-Хуаны, жулики и даже банкиры, у которыхъ деньги лежатъ ужъ конечно не въ Опекуновскомъ Совѣтѣ, а хранятся въ голенищѣ сапога или въ лаптяхъ, подъ природной подошвой; какъ и у насъ, у нихъ есть свои общественные интересы, свои интриги, свой прогрессъ, доходныя мѣста, взятки,—однимъ словомъ, рѣшительно точно такъ, какъ у насъ....

Есть нищіе, которые платятъ значительныя деньги кому слѣдуетъ, чтобъ, напримеръ, имѣть право стоять во всякое время гдѣ нибудь на рынкѣ, на паперти богатаго прихода, при входѣ въ бани и въ другихъ, болѣе или менѣе тепленькихъ мѣстечкахъ. А вѣдь посмотришь на него: калѣка, въ рубищѣ, еле-еле душа въ тѣлѣ держится. Да ужъ что тутъ толковать о взяткахъ да о доходныхъ мѣстахъ,—у нихъ есть даже нѣчто въ родѣ англійскаго клуба, подъ вывѣской двухъ бутылокъ, извергающихъ фонтаны, куда всякій вечеръ, послѣ дневнаго сбора, является кутить нищая аристократія, и гдѣ для этого дѣла имѣется вся приличная обстановка, то-есть, женщины, водка, старыя карты и музыка, разумѣется не Сакса, а просто шарманка съ бубнами и кастаньетами. Но за то вѣдь ужъ вотъ какъ—гуляй душа!—храмина потрясается!

Но умоляемъ васъ, читатель, погодите дѣлать заключеніе, невыгодное для современной филантропіи. Мы сказали все это вовсе не для того, чтобъ протестовать противъ общественнаго участія къ нашему пролетарію. Боже насъ сохрани и помилуй отъ такого намѣренія! Бѣдность всегда бѣдность, какъ ее ни верти, и всякій изъ насъ все-таки непременно долженъ положить свою лепту въ каждую протянутую намъ руку, иначе протягивающій ее и въ самой Москвѣ можетъ умереть съ голоду.... Цѣль наша была: освѣтить немножко эту грязную и мрачную личность, которую мы собирались описывать, безъ чего она въ самомъ дѣлѣ можетъ произвести дурное впечатлѣніе. Мы, разумѣется, какъ и слѣдуетъ, начнемъ съ нищей аристократіи. На нашихъ рисункахъ представлены, между прочимъ, такъ называемый *бѣдный, но благородный человекъ*, и салопница, то есть *бѣдная, но благородная женщина*. Будемъ учтивы, начнемъ съ послѣдней. И такъ — *place aux dames* !...

Опишемъ сначала типическіе признаки салопницы: это большею частію дама очень почтенныхъ лѣтъ, вызывающая своей наружностію самое глубокое участіе: голова ея постоянно покрыта старымъ драдедамовымъ платкомъ, на плечахъ таковой же или люстриновый, коротенькій, истасканный и полинялый салопъ, который служить такимъ же отличительнымъ признакомъ ея званія, какъ, напримеръ, для

испанки мантилья (отсюда, вѣроятно, и названіе салопницы); глаза ея постоянно заплаканы; лицо носить на себѣ выраженіе кротости, смиренія, преданности судьбѣ и печать безысходнаго горя.

Салопница есть почти всегда жена какого нибудь мелкаго чиновника, служившаго лѣтъ сорокъ, на пяти рубляхъ въ мѣсяцъ жалованья и умершаго отъ нищеты, пьянства и геморроя.

Въ первый разъ она пошла просить на гробъ и саванъ своему покойнику, и съ того самаго времени познала, что *се добро есть*.

Гибкость натуры ея изумительна. Салопница точно создана для пролетаріата: она въ одно и тоже время сватаетъ, сплетничаетъ и составляетъ косметическія средства; она ханжа, плакальщица, приживалка, ворожея, гадальщица, воровка — все, что вамъ угодно. Но способности ея для возбужденія общественнаго состраданія еще изумительнѣе и восходятъ иногда до высокаго драматическаго паѳоса.

Вотъ, напримѣръ, она скромно бредетъ по улицѣ, или сидитъ на бульварѣ, на лавочкѣ, принявши умильно печальную мину, съ засаленной бумагой въ рукахъ, гдѣ прописано, кто она такая и какія заслуги покойный мужъ ея оказалъ отечеству, и смиренно встаетъ передъ каждымъ проходящимъ, сохраняя всѣ манеры и приемы бѣдной, но благородной женщины. Но это не производитъ никакого впечатлѣнія: народъ проходитъ мимо, не замѣчая скромной просительницы. Смишлявая проходимка видитъ, что такимъ образомъ ничего не подѣлаешь, — и вотъ роль ея мгновенно измѣняется; скромный видъ и благородные манеры исчезаютъ, и вы видите передъ собой женщину, разбитую какимъ-то страшнымъ несчастіемъ; все существо ея потрясено до основанія; она стоитъ передъ вами, крѣпко прижимая руки къ груди, изъ которой, сквозь неудержимыя рыданія, рвутся безсвязныя рѣчи: Богъ.... бѣдность.... шестеро дѣтей.... голодная смерть и т. п.

Черезъ часъ она уже въ новомъ видѣ: 'ее бьетъ жесточайшая астраханская лихорадка; лицо осунулось, зубы стучать, и, едва держась на дрожащихъ ногахъ, она рассказываетъ вамъ могильнымъ голосомъ, что только сегодня утромъ выписалась изъ больницы, откуда ее выбросили полуживую и что съ самаго утра у нея маковой росинки во рту не было. Это не везетъ—ничего! Совершается новый метаморфозъ: вы видите, что она ослѣпла, бѣдненькая, и тихонько бредетъ по тому же бульвару, протягивая руку къ проходящимъ, закативъ подъ верхніе вѣки угасшіе зрачки и осторожно ощупывая палочкой дорогу.

Въ заключеніе вы непременно встрѣтите ее, выходящую изъ дверей питейнаго

дома; но, Боже сохрани, она тамъ не пила ни капли; она только копѣчку на бѣдность выпросила и потому, вышедши оттуда, набожно крестится и благодарить за это Создателя; а что у нея носъ сизо-краснаго цвѣта, такъ это отъ того, вѣроятно, что она плачетъ съ утра до вечера,—такъ, значить, горькими слезами его разъѣло.

Но этимъ дѣйствіи салопницы еще не ограничиваются; въ такомъ видѣ она является только какъ уличный типъ; самыя же пламенные мечты ея и всѣ тайныя помышленія, какъ личности благородной и, стало быть, имѣющей нѣкоторое право на сочувствіе правительства, направлены къ тому, чтобъ получать постоянное вспомошествованіе изъ какого нибудь благотворительнаго общества. Для этой цѣли она употребляетъ другіе фортели и, во-первыхъ, старается одѣваться и жить какъ можно грязнѣе, зная очень хорошо, что чѣмъ болѣе она въ этомъ случаѣ будетъ похожа на свинью, тѣмъ скорѣе получить это вспоможеніе, потому что ревизующій чиновникъ, болѣею частію маленькій аристократикъ, не имѣющій о нуждахъ ближняго ни малѣйшаго понятія, ни за что не повѣритъ истинной бѣдности, если она прикрыта приличіемъ и опрятностію. Если же это, сохрани Богъ, не помогаетъ, то у нея вдругъ, Богъ знаетъ откуда, является хорошенькая дочка, внучка или племянница, которая вмѣстѣ съ ней терпитъ всѣ ужасы горя, лишеній и нищеты.... Ну, въ такомъ случаѣ ревизующій чиновникъ ужъ конечно пастъ — рѣдкій развѣ устоятъ противъ подобной катастрофы!... Изобрѣтательность замѣчательная!

Знаете, что? Намъ кажется, что если когда нибудь выдумано будетъ *regretting mobile*, то его выдумаетъ непременно *салопница*—вотъ увидите, что такъ будетъ—голь хитра на выдумки!

А впрочемъ въ сословіи салопницъ не одна голь встрѣчается: есть личности, которыя пускаются въ этотъ промыселъ вовсе не изъ нужды, а просто, какъ артистки, *ex libito*.... Эти впрочемъ рѣдко появляются на улицѣ, а больше вотъ налегаютъ на благотворительныя общества, и часто такъ искусно обдѣлываютъ свои дѣлишки, что вдругъ изъ разныхъ мѣстъ получаютъ вспомошествованіе. Это ужъ Богъ знаетъ какъ дѣлается!

Однажды подобная салопница явилась съ просьбой къ начальнику одного благотворительнаго общества. Тотъ приказалъ ей подать просьбу. Просьба была написана въ тотъ же день, и салопница спрятала ее въ коммодъ, вмѣстѣ съ другими бумагами. На слѣдующій день надобно было отправляться съ ней куда слѣдуетъ. Салопница наша опоздала, можетъ быть, немножко, засуетилась, схватила бумагу и, не посмотрѣвши, сунула ее въ карманъ. Является. Подаетъ. Но представьте же

Н. РИХАУ.

